

Содержание

Введение	9
I. Вопрос о вечном аде	15
Постановка вопроса	17
Сомнение в ответах	39
II. Апокатастасис. Четыре размышления	69
Первое размышление	
Кто есть Бог? Моральный смысл <i>creatio ex nihilo</i>	71
Второе размышление	
Что есть суд? Раздумья о библейской эсхатологии	98
Третье размышление	
Что есть личность? Раздумья о божественном образе	132
Четвертое размышление	
Что есть свобода? Раздумья о разумной воле	159
III. Чему можно верить	197
Заключительные замечания	199

Послесловие к греческому переводу	210
I: Этикет ада	210
II: Некоторые пояснения	221
Благодарности и библиографические сведения	231
Именной указатель	235

*Нарчису Ташкэ,
напомнившему мне о том,
что почти вылетело у меня
из головы, хотя это было
нечто исключительно важное*

Спаситель наш Бог... хочет, чтобы все люди были спасены
и пришли к познанию истины.

1 Тим 2:3–4

Введение

С первых веков христианства существуют христианские «универсалисты» — христиане, которые верят, что в конечном счете все люди будут спасены и соединятся с Богом во Христе. Надо сказать, все исторические свидетельства указывают на то, что в первые пятьсот лет истории Церкви универсалистская фракция была наиболее многочисленной, по крайней мере относительно общего числа верующих. Августин Гиппонский (354–430) называл таких людей *misericordes*, «милосердными», — для него этот эпитет явно имел неодобрительное звучание (которого я, признаться, совершенно не улавливаю). В первые века они, как правило, не казались такими уж чужаками. Они чтити те же Писания, что и прочие христиане, поклонялись Богу в тех же базиликах, жили той же литургической жизнью. Они даже верили в ад, хотя и не в его вечность; ад был для них очистительным огнем, что описан апостолом Павлом в третьей главе 1 Послания к Коринфянам, исцеляющим натиском на упрямые души непреклонной божественной любви, которая, испепеляя до последней крупички их нечестивые деяния, спасет даже тех, кто в этой жизни явил себя недостойным небес. Поначалу универсалисты не обязательно даже были меньшинством среди верных, во всяком случае не везде. Живший в IV веке великий отец Церкви Василий Кесарийский (ок. 329–379) однажды заметил, что значительное большинство современных ему братьев-христиан (по крайней мере, в известном ему грекоязычном восточнохристианском мире) убеждено, что ад не вечен и что в итоге все достигнуто спасения. Возможно, это было преувеличением с его стороны, однако вполне возможно, что и нет; и даже если он преувеличивал, то не мог преувеличивать очень уж сильно, иначе его современникам

это замечание показалось бы нелепым, между тем он описывал эту ситуацию как почти банальную в своей очевидности. Разумеется, со временем, в значительной мере вследствие некоторых очевидных институциональных требований, голоса универсалистов свелись к едва различимому шепоту на окраинах веры, за исключением нескольких более оптимистичных мест в христианском мире (таких как восточносирийская церковь). И только, пожалуй, в XIX веке общее отношение к этому вопросу снова, хотя и крайне медленно, стало меняться на противоположное.

В связи с этим многое из того, что я буду отстаивать в этой книге, значительной части читателей может показаться довольно экзотичным и даже, возможно, несколько ненормальным. Однако так не показалось бы, например, в первые четыре столетия Церкви, особенно в восточной половине Римской империи и на соседних с ней территориях, — именно потому, что жившие в те времена и в тех местах христиане были ближе к культуре, языку, космологическим представлениям и религиозным упованиям апостольского века; их воображение не было еще искажено богословием, столетиями создававшимся в совершенно иной духовной и интеллектуальной среде и на чуждых языках. Поэтому моя главная задача на последующих страницах — это попытаться так продумать некоторые вопросы, касающиеся «последних вещей», чтобы естественным образом приблизиться к тем туманным истокам христианского представления о реальности, когда самые ранние тексты христианского Писания еще только создавались, редактировались, отбирались и признавались в качестве канонических или подложных. Я надеюсь, что мне удастся занять точку зрения, некоторым образом «не ведающую» о множестве допущений, являющихся частью позднейшего развития христианской культуры. В каком-то смысле я рассматриваю эту книгу как сопроводительный том к моему недавно изданному переводу Нового Завета (*The New Testament: A Translation*, Yale University Press, 2017) или как дополнение к содержащемуся там критическому аппарату. Я надеюсь, что читатель или читательница этой книги, если будет возможность (и я говорю это не *просто* в надежде увеличить продажи моих книг), обратится также к введению

и к заключительному разделу из того издания, а заодно, возможно, к содержащимся там примечаниям к некоторым из стихов, которые цитируются здесь. Быть может, он или она даже прочтет перевод полностью (во всяком случае, я могу поручиться за добросовестность переводчика). Я твердо убежден, что два тысячелетия догматической традиции создали в умах большинства из нас в корне ошибочное представление об очень многих утверждениях, содержащихся в христианском Писании. И я надеюсь, что мой перевод — просто путем восстановления некоторых неопределенностей, которые, как я считаю, присутствуют в оригинальных текстах, — может помочь современным читателям понять, почему значительное число образованных восточных христиан эпохи поздней Античности, которые знали Новый Завет в оригинале, на греческом, совершенно спокойно воспринимали универалистское истолкование его языка. Я убежден, что именно *miseriordes* всегда понимали новозаветный рассказ правильно — коль скоро он вообще истинен. Это не означает, что все они пребывали в совершенном согласии между собой или что я совершенно согласен со всеми ними относительно каждой стороны этого рассказа. Я лишь имею в виду, что если христианство в целом действительно есть вполне связанная и заслуживающая доверия система убеждений, тогда универалистское понимание ее послания — единственно возможное. И я заявляю это — весьма неосмотрительно — без малейшего колебания или оговорки.

Признаюсь, весьма необычно сознавать, что пишешь книгу, которая расходится с общепринятым мнением, столь прочно утвердившимся, что едва ли можно надеяться убедить кого-либо в чем-либо — разве что в собственной искренности. Вполне возможно, что в конечном счете все усилия окажутся напрасными. Подозреваю, что те, кто уже симпатизирует моей позиции, одобряют мою аргументацию в той мере, в какой она, по их мнению, удачно выражает их собственные взгляды или что-то близкое к ним, тогда как те, кто не согласен с ней (явно более многочисленная партия), либо просто отмахнутся от нее, либо (если они уж очень занудны) попытаются опровергнуть ее, вновь утверждая всевозможными

способами, очень предсказуемыми и очень затасканными, традиционную позицию большинства. Кто-то, например, станет утверждать, что универсализм явно противоречит тому, что четко сказано в Писании (это не так). Другие станут доказывать, что универсализм был решительно осужден как ересь Пятым вселенским собором (это неверно). Более отважные попытаются предложить более, с их точки зрения, сильные версии тех же философских аргументов в защиту идеи вечного ада, которые я излагаю и отвергаю как неубедительные на страницах этой книги. Самые безрассудные, возможно, выдвинут новые, собственные аргументы (что не рекомендуется). В этой игре не существует очевидного способа одержать победу или хотя бы добиться значительного перевеса. Несмотря на это, я намерен вести ее до конца. И возможно, что в чем-то мое положение может даже оказаться удобным. По крайней мере, есть некое облегчение в том, чтобы знать, что риторическое состязание, вероятно, проиграно мною еще до того, как оно началось. Это избавляет меня от необходимости изображать нерешительность, сдержанность или рассудительное сомнение — в той галантной и благоразумно-чопорной манере, какой от нас обычно ожидают, — и позволяет, напротив, излагать мои доводы максимально непринужденно и видеть, как далеко можно продолжить ту линию рассуждения, которую они выстраивают. Пожалуй, уже одно это станет полезным вкладом в общую дискуссию, даже если в итоге моя попытка окажется совершенно неудачной; во всяком случае, защитников доминирующей точки зрения эта книга может побудить к честному рассмотрению, тщательному размышлению и серьезному анализу (а также множеству других бодрящих интеллектуальных добродетелей такого рода). Даже если она послужит просто таким отрицательным испытанием традиции — исковым заявлением, которое *advocatus diaboli*¹ почтительно подает от имени эксцентричной позиции меньшинства, полностью сознавая, что окончательный вердикт будет иным, — она, по крайней мере, сможет помочь большинству прояснить собственные убеждения. Поэто-

---

¹ «Адвокат дьявола» (лат.). — Прим. перев.

му я предлагаю всё последующее как логический и риторический эксперимент и, продвигаясь, насколько это окажется возможным, по пути моего рассуждения, прошу прежде всего о читательском снисхождении. Мои ожидания в отношении результата очень ограниченные. Тем не менее, если читателю или читательнице всё же случится найти какие-то из моих аргументов убедительными, я прошу его или ее задуматься также над тем, не может ли это быть следствием некоего присущего им внутреннего достоинства.

Должен заметить, это не первое публичное изложение моих взглядов, однако я хочу, чтобы оно было в значительной степени последним. Рассматриваемая проблема, по моему опыту, особенно успешно порождает идущие по кругу споры и располагает к бесконечному повторению одних и тех же доводов. Однако я чувствую, что обязан дать полное изложение своих взглядов по этому вопросу — просто из вежливости по отношению к тем, кто удосужился отреагировать на высказанные мною ранее утверждения, не имея, однако, возможности познакомиться с моей мыслью в целом. В июле 2015 г. я прочел в Университете Нотр-Дам лекцию, большинство аргументов которой воспроизводится ниже в Первом размышлении. Эта лекция привлекла тогда значительное внимание и до сих пор вызывает то тут, то там дискуссии и комментарии. Для многих читателей не составило труда разобраться в ее аргументации, обычно воспринимавшейся ими с одобрением — возможно, по причине того, что им изначально был близок мой общий подход к этим вопросам. Однако были и другие, менее восторженные отзывы. Относительно них, впрочем, я честно могу сказать, что все они, вплоть до недавних, опираются на неверное — порою причудливое — понимание главных положений моей лекции. Причина этого, думаю, не в том, что я сказал в тот день что-то особенно трудное для понимания, а скорее в том, что я предложил не ту привычную аргументацию, которую многие критики с полным основанием ожидали от меня, и в результате они машинально вчитали в мои слова те доводы, которые уже готовы были отвергнуть. Как следствие, за прошедшие несколько лет меня неоднократно просили ответить на возражения в адрес точек зрения, которых я никогда

не придерживался. Единственный положительный момент во всём этом — это что я, кажется, довел почти до совершенства тот тон, который позволяет скрыть за пушистыми облаками напускного терпения досаду; а обретение нового социального навыка — это всегда благо. Но в остальном, должен признаться, эта как раз одна из тех дискуссий, благодаря которым даже самая приятная вечеринка перестает доставлять удовольствие. В самом деле, сколько раз нужно сказать: «Извините, вы приняли меня за кого-то другого», — чтобы утратить способность сопротивляться влекущему звучанию шейкера в противоположном конце зала или чтобы вдруг вспомнить, что ужасно опаздываешь на неотложную встречу с большой топиарной уткой в саду? Поэтому я надеюсь, что вопросы, которые я поднял, и мысли, которые я высказал в том более раннем, более отрывочном изложении, предстанут здесь, в сопровождении остальных моих аргументов, ясными настолько, чтобы не нуждаться уже в дальнейшем уточнении. И тогда можно будет, как я надеюсь, просто принять, отвергнуть или проигнорировать — как будет угодно читателю — всю аргументацию целиком. Так или иначе, меня мои доводы полностью убеждают, и это — к счастью или к несчастью — уж точно никогда не изменится.

ВОПРОС О ВЕЧНОМ АДЕ

Алиса рассмеялась.

— Ничего не выйдет, — сказала она. — *Нельзя* поверить в невозможное.

— Полагаю, ты недостаточно упражнялась, — заметила Королева. — В твоём возрасте я регулярно занималась этим по полчаса в день. И иногда мне ещё до завтрака удавалось поверить в целых шесть невозможностей.

Льюис Кэрролл. *Алиса в Зазеркалье*

Постановка вопроса

I

Согласно одной легенде, рассказанной в *Aprophthegmata patrum*, или *Изречениях отцов*, — под этим общим названием известны различные древнехристианские сборники историй о египетских «отцах-пустынниках» IV века, — однажды праведный авва Макарий (ок. 300–391), проходя в одиночестве пустыней, набрел на валявшийся у дороги человеческий череп; когда Макарий случайно задел его своим посохом, тот вдруг заговорил. Удивленный, Макарий попросил его назвать себя, и тот повиновался. Череп рассказал ему, что при жизни был главным жрецом язычников, служившим идолам и совершавшим обряды народа, который когда-то обитал в этих местах. Он сказал также, что узнал Макария и что тот известен как духоносец, чьи молитвы способны временно облегчить страдания проклятых. Услышав это, Макарий попросил череп описать эти страдания. Тот ответил, что он и его собратья-язычники должны день и ночь стоять толпою, охваченные с ног до головы пламенем, зависнув над огненной бездной, простирающейся под их ногами на столько, на сколько простиралось небо над их головой, когда они жили на земле. К тому же, добавил он, им нельзя даже посмотреть друг другу в лицо; их взгляд вечно уперт в спину соседа. Однако, прибавил череп, всякий раз как Макарий помолится об этих несчастных потерянных душах, им удастся наконец мельком увидеть лица своих братьев, за что они глубоко благодарны, ибо это единственное облегчение, на которое они могут надеяться среди неослабных мучений. Услышав это, Макарий заплакал и воскликнул, что несчастному жрецу лучше было бы вообще

не родиться. Затем он спросил, есть ли другие в аду, кто претерпевает мучения еще большие, чем эти, и череп ответил, что такие и впрямь имеются. На самом деле, сказал он, постигшее его и его собратьев страдание еще сравнительно мягкое, поскольку они никогда не знали истинного Бога и потому никогда не имели возможности служить Ему; неизмеримо ужаснее наказание, претерпеваемое теми, кто ввергнут в самую бездну огня внизу, сказал он, ибо они *познали* Бога и тем не менее отвергли Его. Устрашенный, Макарий зарыл череп в землю и поспешил в путь.

Мне было, кажется, четырнадцать, когда я впервые прочел эту историю в принадлежавшем моему старшему брату сборнике древнецерковных сочинений. Я был не особенно набожным юношей, но мне нравились старинные легенды. Так совпало, что примерно через неделю я услышал ту же историю в проповеди епископального священника (чрезвычайно высокой церкви¹), который, казалось, впал в мистический экстаз, превознося редкостную красоту этого рассказа: искусный минимализм, с каким здесь изображена милосердная душа аввы Макария, восхитительно-прелестное представление, что вид лица другого человека может облегчить даже муки ада, пронзительное напоминание, что наше сострадание должно быть безграничным (и прочее в этом роде). Я, хоть убей, не понимал, о чем он говорит. Моя реакция на эту историю была в обоих случаях совершенно иной. Для меня это была всего лишь обычная история с привидениями, и даже если она и обладала некоторым мрачным очарованием, таковое полностью объяснялось ее причудливо-зловещей атмосферой. И, разумеется, к тому времени я прочел уже достаточно фольклора разных стран и религий, чтобы считать себя способным распознать тип данного повествования (хотя, вероятно, не сумел бы тогда точно охарактеризовать его): деревенская легенда, предназначенная для того, чтобы пугать непослушных детей и доверчивых крестьян, и отмеченная той естественной грубоватостью, которая так часто сопровождает глубокую набож-

---

¹ Высокая церковь — течение внутри Англиканской церкви, подчеркивающее ее историческую связь с древней неразделенной церковью. — *Прим. перев.*